

КАНОНИЗАЦИЯ НОВОМУЧЕНИКОВ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

В августе 2000 г. в Москве в храме Христа Спасителя торжественный юбилейный Архиерейский собор Русской Православной Церкви канонизировал 1 097 мучеников и вероисповедников XX в., причисленных к лику святых вместе с другими 57 лицами, жившими в дореволюционной России или принявшими мученичество не в советскую эпоху. В Русской Православной Церкви еще никогда не происходила канонизация в подобных масштабах.

Долгий и трудный путь к канонизациям 2000 г. имеет основополагающее значение для современной Русской церкви. Это событие отразилось на интерпретации истории Русской церкви XX в. и в этом смысле имело важное историографическое значение.

Прецеденты. Последние канонизации, осуществленные в России до окончательного перехода власти к большевикам, относятся к 1918 г. Тогда Поместный собор Русской церкви возвел в сан святого мученика митрополита Астраханского Иосифа, преставившегося в 1671 г., и епископа Софрония (Кристалевского; 1704—1771). С установлением советского режима практика причисления к лику святых прервалась. С 1960-х гг. это начинание перешло к Русской церкви за рубежом, состоявшей из архиереев, священнослужителей и мирян, выехавших из России после революции, которые установили место своего пребывания сначала в сербском городе Сремские Карловцы (Sremskie Karlovcy), потом в Джорданвилле (США).¹ Эта церковь, с 1927 г. прервавшая всякие сношения с Москвой, в 1964 г. канонизировала Иоанна Сергеева (Кронштадтского), приходского священника церкви Св. Андрея в Кронштадте, крупную фигуру российской духовной жизни рубежа XIX—XX вв.

За этой первой канонизацией в 1981 г. последовало возведение в сан святых «собора новомучеников и вероисповедников русских».² Среди «Джорданвилль-

¹ О Русской церкви за рубежом см.: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 119—131, 219—242; *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь: дни тревог и надежд (1917—1941 гг.). М., 1998 (итал. перевод: *Vasil'eva O.* Russia martire. La Chiesa ortodossa dal 1917 al 1941. Milano, 1999. P. 123—143); *Цыпин В. А.* История Русской Церкви (1917—1997). М., 1997. С. 553—613; *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви, 1900—1927. СПб., 2002. С. 401—440. Об истории с точки зрения церкви в изгнании см.: *Трасковский А. Ф.* История Русской Зарубежной Церкви 1921—1939 гг.: (Краткий очерк) // Православный путь. 1995. С. 9—61.

² *Semenenko-Basin I. V.* Eternamente fiorisce: I nuovi santi della Chiesa ortodossa russa. Milano, 2005. P. 57—60.

ских святых» были представлены члены императорской фамилии: последний царь Николай II, царица Александра Федоровна, их дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, царевич Алексей и их слуги. Собор Русской церкви за рубежом не дал точного списка остальных святых, ограничившись только заявлением, что акт канонизации касался всех мучеников и вероисповедников при коммунистическом режиме, известных и неизвестных. Этим жестом Русская церковь за рубежом намеревалась скорее совокупно освятить мученичество, совершившееся в Советском Союзе в XX в., чем выделить отдельных лиц, его претерпевших.

Причисление к лику святых императорской семьи вызвало сомнения у многих православных, не осведомленных о положении Русской церкви за рубежом. Критики канонизации царя видели в этом акте восхваление монархических идей и желание со стороны Джорданвилльской церкви прославить сам институт самодержавия. Те же возражения мы найдем и против канонизации царя и его семьи, провозглашенной торжественным юбилейным Архиерейским собором 2000 г.

Тем временем в Советском Союзе патриарх Московский тоже начал причисление к лику святых. В 1970 г. на собрании Синода под председательством патриарха Алексия I (Симанского) был канонизирован православный миссионер в Японии Николай (Касаткин). Это была первая канонизация, осуществленная в Советском Союзе после Московского поместного собора 1918 г. В 1974 г. Синод под председательством нового патриарха Пимена (Извекова) причислил к лику святых Иннокентия (Вениаминова), миссионера на Аляске, жившего в XIX в.

Полное возвращение к практике канонизации произошло вместе с празднованием тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. Новый политический климат, обусловленный перестройкой под руководством Михаила Горбачева, позволил патриарху Московскому торжественно провести Поместный собор, на котором были канонизированы такие важные лица российской истории, как князь Димитрий Донской, иконописец Андрей Рублев, богослов Максим Грек, Паисий Величковский и Амвросий Оптинский, блаженная Ксения Петербургская и духовные писатели Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник.³ Времена для канонизации мучеников XX в. еще не настали. Тем не менее, подготовительные работы 1988 г. по причислению к лику святых положили начало дальнейшему движению в этом направлении.

Постановлением Синода Русской церкви от 11 апреля 1989 г. была создана специальная комиссия по канонизации, получившая задание продолжать сбор сведений и известий о святых, начатый накануне празднований 1988 г.⁴ Этому учреждению под председательством митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова), действующему и поныне, предстояло сыграть ключевую роль в подготовке к канонизации 2000 г. Синодальная комиссия взяла за правило принимать предложения по канонизации от Синода и от епархиальных архиереев.⁵ Начиная с момента своего создания, комиссия рассматривала до-

³ *Semenenko-Basin I. V. Eternamente fiorisce. P. 63—65.*

⁴ Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 11 апреля 1989 года о создании Комиссии по канонизации святых // *Канонизация святых в XX веке. М., 1999. С. 80—81.*

⁵ Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 7 июля 1989 года по докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, о работе возглавляемой им Комиссии // Там же. С. 82.

кументацию о жертвах преследований при советском режиме. Среди них: патриарх Тихон (Беллавин), умерший в московской клинике в 1925 г.; митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), приговоренный по одному из больших процессов против духовенства и умерщвленный в 1922 г.; митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), расстрелянный в Киево-Печерской лавре 25 января (7 февраля) 1918 г.;⁶ митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов),⁷ расстрелянный в возрасте 81 года на Бутовском полигоне под Москвой в 1937 г.⁸ Первым из них был причислен к лику святых 9 октября 1989 г. патриарх Тихон. Он, умерший не мученической смертью, но перенесший арест, заключение и притеснения, был канонизирован за «чистоту жизни (<...> служение церкви и ближним (<...> мужественное стояние за веру (<...> исповедничество святителя (<...> миссионерскую деятельность)».⁹ Кроме того, Собор отметил, как Тихон противостоял раскольникам и как «с именем Патриарха отождествлялась Русская церковь, хранящая неповрежденным Святое православие, и он хранил единство возглавляемой им Церкви».¹⁰ Не называя ее прямо, Архиерейский собор имел в виду Обновленческую церковь (общее название различных раскольных явлений, большей частью спровоцированных советской властью и разрывавших церковь в начале 1920-х гг.). Преследования церкви в советскую эпоху еще не изобличались открыто. В своем докладе на Соборе митрополит Ювеналий обрисовал затруднения церкви в осознании собственной недавней истории: «Если говорить о событиях четырехсотлетней давности, то в житии святителя Иова (патриарха Московского, канонизированного вместе с Тихоном — С. М.) и в его эпохе, можно сказать, все улеглось и многое исследовано. Все гораздо сложнее в отношении Святителя Патриарха Тихона. Его эпоха до конца еще не осмыслена и не изучена».¹¹

Причисление к лику святых патриарха Тихона, с одной стороны, стало поворотным событием, поскольку это была первая канонизация жертвы советского режима, совершенная патриархом Московским; с другой стороны, при ней недоставало размышлений о системе, породившей преследования Церкви, размышлений, которые мы найдем при последующих канонизациях мучеников и исповедников веры.

Еще один шаг в этом направлении был сделан Поместным собором 1990 г., на котором был избран патриарх Алексий II и канонизирован Иоанн Кронштадтский. Среди постановлений собора было задание Синодальной комиссии по канонизации подготовить материалы «к канонизации мучеников, постра-

⁶ О смерти митрополита Владимира см.: *Merlo S. All'ombra delle cupole d'oro: La Chiesa di Kiev da Nicola II a Stalin (1905—1939)*. Milano, 2005. P. 189—204.

⁷ О митрополите Серафиме (Чичагове) см.: *Серафима (Черная-Чичагова), игум.* «Да будет воля твоя»: Житие и труды священикомученика Серафима (Чичагова). М., 2003.

⁸ Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, «О канонизации святых», прочитанный 9 октября 1989 года на Освященном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, г. Москва, Свято-Данилов монастырь, 7—14 октября 1989 года // *Канонизация святых в XX веке*. С. 85—86.

⁹ Деяние Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о канонизации святителей Иова и Тихона, Патриархов Московских и всея Руси 9 октября 1989 года, Свято-Данилов монастырь, г. Москва // Там же. С. 92.

¹⁰ Там же.

¹¹ Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, «О канонизации святых», прочитанный 9 октября 1989 года... С. 88.

давших за веру в годы гонений, обрушившихся на нашу Церковь в XX веке».¹² Хотя советский режим открыто не упоминался, собор явственно говорил о «гонениях», жертвой которых стала церковь в XX в.

К юбилейному собору 2000 г. Новый подход к собственной новейшей истории был предпринят Русской церковью в следующем году, именно 25 марта 1991 г., когда митрополит Ювеналий на заседании Синода сделал важный доклад об отношении церкви к мученичеству.¹³ В нем митрополит обозревал всю историю страданий, перенесенных церковью с 1917 г. от «движимого активным богоборчеством гонения».¹⁴ Ювеналий упоминал изъятие предметов культа, которому церковь подверглась во время голода 1921—1922 гг., проводившуюся Лениным в эти годы антицерковную политику, незаконные процессы против таких именитых иерархов, как митрополит Вениамин (Казанский), равно как и против священников и мирян, расстрелы, аресты, приговоры к лагерному заключению и высылке, закрытие церквей, политику искоренения церковной жизни в деревне во время коллективизации и раскулачивания. Были отмечены и шаги, ведшие к ее постепенному уничтожению в 1930-е гг., начиная с закона «О религиозных объединениях» 1929 г. вплоть до запрета на религиозную пропаганду, мер против колокольного звона, разрушения церквей, среди которых был московский храм Христа Спасителя. Упоминались такие погибшие в ходе репрессий 1930-х гг. иерархи, как митрополит Киевский Константин (Дьяков),¹⁵ митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), митрополит Тверской Серафим (Александров), митрополит Горьковский Евгений (Зернов), наряду с духовенством и мирянами, убитыми в 1937 г., который Ювеналий назвал «самым пиком борьбы с религией». Митрополит не обошел молчанием и ближайшие времена, — возобновление борьбы с религией, предпринятое Хрущевым. Он подчеркивал «чисто церковный» характер прославления новых мучеников и не скрывал всей остроты и шекотливости дела, «включенного в контекст политической и идеологической борьбы, связанной с оценкой значения и последствий пережитой нашей страной революционной эпохи».¹⁶ Кроме того, председатель комиссии по канонизации задавался вопросом, какова должна быть позиция церкви по отношению к тем православным, которые в 1920-е и 1930-е гг. отделились от нее и присоединились к раскольным группам, но все же претерпели репрессии, подчас вплоть и до смерти. Если, с одной стороны, Ювеналий исключал осуществимость причисления к лику святых сторонников обновленческого раскола, то с другой — признавал возможность, при всей ее проблематичности, канонизации священнослужителей и мирян, что «в ту пору пребывали в каких-либо подразделениях и группировках, которые нельзя квалифицировать как несомнен-

¹² Определения Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 9. С. 6.

¹³ Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, «Об отношении Церкви к подвигу мученичества», представленный на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25 марта 1991 года // Канонизация святых в XX веке. С. 96—126.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ О мученичестве Константина (Дьякова) см.: *Merlo S. All'ombra delle cupole d'oro*. P. 415—418.

¹⁶ Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, «Об отношении Церкви к подвигу мученичества»... С. 121—122.

ный раскол».¹⁷ Это утверждение повлияло на канонизацию во время юбилейного собора 2000 г. лиц, прервавших церковное общение с митрополитом Сергием (Страгородским), заместителем местоблюстителя патриаршего престола, руководившим церковью после смерти Тихона вплоть до середины 1940-х гг.

Я остановилась на этом мартовском докладе 1991 г., произнесенном, когда Советский Союз еще существовал, поскольку это сообщение явно ознаменовало новый подход Московского патриархата к событиям, происходившим в русской церкви в XX в. За ним в апреле 1992 г. последовали первые канонизации мучеников XX в.: митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского), митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского), а также одного архимандрита и расстрелянных вместе с ним двоих мирян и двух монахинь — великой княгини Елизаветы Федоровны, сестры последней царицы, и одной ее сестры во Христе, монахини Варвары.¹⁸ Тот же собор установил литургическую память «всех новомучеников и исповедников российских» на 25 января (7 февраля по григорианскому календарю). Выбор даты был не случаен, он повторял решение Московского поместного собора 1917—1918 гг., которым была установлена ежегодная память мучеников и вероисповедников в день убиения митрополита Киевского Владимира, первого архиерея, принявшего мученическую смерть после разразившейся революции.¹⁹

Другие святые, в числе которых митрополит Петр (Полянский), на короткое время принявший бразды правления церковью после смерти Тихона, и митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), были канонизированы архиерейскими соборами 1994 и 1997 гг.

Обретение памяти. В 1990-е гг. в России возник заметный интерес к истории XX в. Это явление было общим для всех стран бывшей советской Восточной Европы, где по выходе из опыта реального социализма и климата холодной войны начались размышления о собственной новейшей истории. В России можно было наблюдать настоящее рвение к историческому поиску, рост числа исторических исследований, касавшихся также церковной истории и разысканий о новомучениках. Содержательная работа по восстановлению памяти и поиску сведений о мучениках XX в. развернулась в таких русских исследовательских центрах, как общество «Мемориал» и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, где были собраны и систематизированы огромные массивы данных и документов из государственных архивов, недавно введенных в научный оборот, а также свидетельства, современные событиям печатные статьи и другие доказательства гонений, перенесенных новомучениками. На основе материалов, собранных Свято-Тихоновским университетом, в 1997 г. была обнародована первая часть биографического перечня мучеников русской церкви в XX в.²⁰ (вторая часть труда до сих пор не вышла в свет).

¹⁷ Там же. С. 124.

¹⁸ Деяние Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, Свято-Данилов монастырь, 31 марта — 4 апреля, г. Москва // Там же. С. 139—141.

¹⁹ Заседание Собора православной церкви № 126, 5 (18) апреля 1918 // Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. М., 2000. Т. 9. С. 125.

²⁰ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917—1956: Биограф. справочник / Сост. В. М. Воробьев. М., 1997. Т. 1.

Значительная деятельность по сбору и изучению материалов, касающихся мучеников XX в., велась на местном уровне епархиальными комиссиями по канонизации мучеников и вероисповедников, образованными архиерейским собором в апреле 1992 г. Благодаря этим комиссиям было конкретизировано положение о местных канонизациях, выпущенное, но не осуществленное собором 1917—1918 гг. Оно имело значение особой важности для епархий Московского патриархата, находящихся за пределами Российской Федерации, прежде всего на Украине и в Белоруссии, которые таким образом смогли упорядочить местные канонизации.

Поисковая работа епархиальных комиссий, собравших документы из областных архивов наряду со свидетельствами и другими материалами о новомучениках, внесла существенный вклад в местную церковную историю. Деятельность этих организаций, как и работа иных учреждений, занимавшихся новомучениками, двигалась в одном направлении и часто пересекалась с деятельностью Синодальной комиссии по канонизации святых. Комиссия усилила свою активность в преддверии канонизаций юбилейного Архиерейского собора 2000 г.

В последние годы отмечается настоящий расцвет сбора, публикаций сочинений, писем, рассуждений, проповедей, жизнеописаний новомучеников. При этом не следует забывать, что, как нередко бывает, подобные труды имеют скорее апологетический, нежели научный характер. В любом случае, вся эта деятельность, направленная на восстановление исторической памяти о новомучениках, готовила и сопровождала канонизации 2000 г.

Канонизации 2000 г. Среди 1097 мучеников и исповедников, канонизированных юбилейным Архиерейским собором 2000 г., 860 канонизированы впервые. Над их делами работала Синодальная комиссия под руководством митрополита Ювеналия, представившая результаты исследования собору; культ других 230 святых, уже почитавшихся на местном уровне, собор распространил на всю Русскую церковь. Среди новых святых 5 митрополитов, 23 архиепископа, 34 епископа, а также монахи, монахини, священники, миряне, «поименно известные и донные миру не явленные, но ведомые Богу», согласно формулировке собора. У 814 мучеников, представленных собору Синодальной комиссией, известны имена, история и, во многих случаях, обстоятельства смерти; личность других 46 не установлена, но выяснены обстоятельства их свидетельства о вере.

Среди новых святых имеются духовные лица, чья история и убеждения относительно путей, избранных церковью в годы режима, весьма различны. Синодальная комиссия оказалась перед указанным выше особо деликатным вопросом: включать или не включать в число новых святых тех, кто присоединился к группам, противившимся действиям заместителя местоблюстителя патриаршего престола Сергия и возглавляемого им Синода. Как известно, не все архиереи Русской церкви разделили провозглашение лояльности советскому государству, объявленное Сергием в 1927 г., дабы обеспечить церкви юридический статус, который позволил бы ей выжить в годы режима. Некоторые архиереи сочли соглашение с советской властью компромиссом и прервали канонические сношения с Сергием и его Синодом, избрав для собственных епархий административную самостоятельность. Так возникло движение «непоминающих», названное так из-за решения его участников не помянуть

митрополита Сергия и гражданские власти во время службы, продолжая, однако, признавать каноническую законность верного Сергию духовенства. Это решение было особо непростым, учитывая, что в православной традиции поминовение на литургии главы церкви — это знак церковного единения. В этих группах среди причин разногласий с Сергием, помимо провозглашения лояльности советской власти, также действовало и нередко превалировало непризнание канонической законности управления возглавляемой им церковью. Движение «непоминающих» было сложным, без единого руководства, и дробилось на независимые друг от друга группировки. Притеснения этого сообщества со стороны советской власти были особенно жесткими, и многие представители «непоминающих» претерпели мученичество.

Решение, причислять или не причислять их к лику святых, необходимо было принять в 1990-е гг. Доклад митрополита Ювеналия в декабре 1996 г., впоследствии одобренный Синодом, устанавливал некоторые критерии будущей канонизации.²¹ Категорически исключалась возможность канонизировать представителей таких групп, как обновленцы или «григорьевцы», то есть священнослужители или миряне, сторонники архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского), который в 1925 г. попытался создать «Временный Верховный Церковный Совет» в противовес местоблюстителю патриаршего престола Петру. Петр, арестованный в 1925 г., пробыл в заключении вплоть до октября 1937 г., когда в разгар сталинского «великого террора» был расстрелян. Поэтому «григорьевцев» нельзя было причислить к лику святых. То же относилось к приверженцам автокефальной Украинской церкви Василия Липковского. Более сложным был случай так называемых «расколов справа», или разного рода групп «непоминающих». В докладе проводилось различие между теми, кто, не отделившись от Сергия, продолжали признавать местоблюстителем патриаршего престола митрополита Петра, и теми, кто, в свою очередь, создал «отдельный церковный центр». Среди последних были «иосифляне», названные так по имени самого влиятельного лица этого движения, митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), не признававшие таинств, отправлявшихся верным Сергию духовенством.²² Согласно одобренному Синодом докладу вопрос должен был быть изучен во всей сложности, не исключая «положительного решения» для тех, кто признал Сергия, но, тем не менее, сформировал альтернативное церковное направление. В документе утверждалось, что приверженцы группировок, враждебных патриарху Московскому после 1945 г., также не могут быть причислены к лику святых. В этот год был избран патриарх Алексей I, и большинство «непоминающих» вернулось в лоно Русской православной церкви. Меньшинство, однако, все же не согласилось с Московским патриархатом и страдало от притеснений «вплоть до середины 80-х гг.».²³

²¹ Доклад Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века», представленный на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 26 декабря 1995 года // Канонизация святых в XX веке. С. 170—184.

²² О движении «иосифлян» и вообще «непоминающих» см.: Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

²³ Доклад Преосвященного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии по канонизации святых, «Историко-канонические критерии в вопросе о канониза-

На самом деле юбилейный собор 2000 г. канонизировал многих «непоминающих», признав противников Сергия неотъемлемой частью церкви. Этот шаг явился деянием примирения, хотя бы и потому, что многие представители этого течения были уже канонизированы на местном уровне.

Некоторые примеры. Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов) был первым из трех кандидатов, указанных Тихоном в качестве его преемников в сане местоблюстителя патриаршего престола. Однако по смерти патриарха он не мог вступить в должность, поскольку уже находился в заключении. Когда в конце 1926 г. русские архиереи попытались избрать нового патриарха путем тайного опроса (эта попытка была раскрыта и пресечена советскими властями), именно Кирилл набрал большее число положительных отзывов. Влиятельный священнослужитель отмежевался от заявления митрополита Сергия, и тот отрешил его от управления Казанской епархией. Он не подчинился решению заместителя местоблюстителя и остался на своем месте до конца жизни. Кирилл перенес множество арестов и высылки, закончившихся в 1937 г. смертным приговором и расстрелом в Лисьем Овраге в Казахстане. Юбилейный собор канонизировал его как мученика.²⁴

Случай митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела (Преображенского) иной. В момент ареста Тихона в мае 1922 г. он был определен патриархом к управлению церковью, однако не смог приступить к этой обязанности, так как ГПУ, политическая полиция, запретило ему покинуть Ярославль и отправиться в Москву. То же произошло, когда Тихон избрал его вторым кандидатом из трех своих преемников: Агафангел находился тогда в ссылке в Сибири, и обязанности местоблюстителя патриаршего престола были возложены на третьего кандидата, митрополита Крутицкого Петра. Вернувшись из ссылки, Агафангел ненадолго встал во главе поддержанной ГПУ группы духовенства, стремившейся ослабить власть митрополита Сергия, тем временем заступившего место также арестованного Петра. Почин Агафангела принять должность местоблюстителя патриаршего престола вместо Сергия не нашел поддержки русского архиерейства, что заставило митрополита отступить от своих притязаний. После заявления Сергия Агафангел в феврале 1928 г. установил административную независимость своей епархии и через несколько месяцев, в октябре, умер. При этом Агафангел объявил, что не желает отделяться от Сергия, но только отказался выполнять его распоряжения в своей епархии.²⁵

Отдельный случай представляет епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). Афанасия арестовали в 1922 г., и за исключением коротких перерывов он постоянно жил в заключении вплоть до 1954 г. Он отложился от митрополита Сергия около 1930 г., поскольку посчитал, что тот незаконно принял на себя обязанности заместителя местоблюстителя патриаршего престола. Он восстановил каноническое общение с иерархией Русской Православной Церкви в 1945 г., когда

ции новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века»... С. 179.

²⁴ *Mitrofanov G. Kirill Smirnov: la «semplice dignità» di un pastore // La Nuova Europa. 2000. № 2. P. 78—89.*

²⁵ *Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — Григорианский, Ярославский, Иосифлянский, Викторианский и другие, их особенности и история. 2-е изд., доп. Сортавала, 1993. С. 82—121.*

был избран патриарх Алексий I. На протяжении своей нелегкой жизни (он умер в 1962 г. в возрасте 75 лет) Афанасий был весьма почитаем среди верующих и стал духовным отцом многих православных.²⁶ Агафангел и Афанасий канонизированы как исповедники.

Самым непримиримым противником сложившегося типа отношений Русской церкви с советской властью среди канонизированных «непоминающих» был, наверное, епископ Кинешемский Василий (Преображенский). Василий не только разорвал общение с Сергием в 1927 г., но и не восстановил канонические сношения с его преемником, патриархом Алексием I. После многочисленных арестов и заключения он умер в неустановленный день (по одним источникам в 1945 г., по другим — в 1947 г.) под Красноярском.²⁷ На местном уровне был причислен к лику святых в 1993 г.

Другие «непоминающие», канонизированные Архиерейским собором 2000 г., — архиепископы: Угличский Серафим (Самойлович), Дмитровский Серафим (Звездинский), Стародубский Дамаскин (Цедрик), Глазовский Виктор (Островидов), Прилуцкий Василий (Зеленцов), а также религиозный мыслитель Михаил Новоселов и московский приходской священник Сергей Мечёв.

Эти канонизации стали деянием примирения между различными членами церкви. Перед лицом страданий, перенесенных Русской церковью в XX в., Архиерейский собор признал мученичество различно мысливших верующих, а не только тех, кто верно следовал за митрополитом Сергием. Подобное решение имело еще и то достоинство, что оно сблизило Московский патриархат с Русской православной церковью за рубежом, которая, как отмечалось, приступила к канонизации мучеников и вероисповедников при советском режиме в 1981 г.²⁸ В одном интервью в декабре 2003 г. влиятельный священнослужитель Московского патриархата и член Синодальной комиссии по канонизации святых Георгий Митрофанов предсказывал неизбежное восстановление евхаристического единения между этими двумя Церквями именно с момента признания общего наследия новомучеников: «Наша Церковь своей канонизацией собора новомучеников, в котором присутствуют и столь почитаемые Зарубежной Церковью иерархи (...) канонизацией всех тех, которые поминали митрополита Петра (Полянского) как Предстоятеля Русской Православной Церкви, подчеркнула, что мы должны ощущать себя продолжателями не только политики митрополита Сергия, но и политики других иерархов».²⁹

Среди новых святых 2000 г. присутствуют также члены императорской фамилии, уже канонизированные, как упоминалось, Зарубежной Русской православной церковью в 1981 г. Возможность причисления к лику святых последнего царя и его домочадцев стала предметом жарких споров в 1990-е гг. После падения СССР культ царя-мученика начал распространяться в монархических и националистских кругах, а также и среди народа, вплоть до того, что во вре-

²⁶ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О. В. Косик. М., 2000.

²⁷ *Semenenko-Basin I. V. Eternamente fiorisce*. P. 177—178.

²⁸ О мучениках, канонизированных Русской церковью за рубежом см.: *Польский М.* Новые мученики российские: В 2 т. Джорданвилль, 1949—1957; 2-е изд.: М., 1994.

²⁹ Нас объединят новомученики: Интервью М. Массалитина с отцом Георгием Митрофановым 13 декабря 2003 г. // www.pravoslavie.ru/guest/031229223126.

мя крестных ходов начали появляться иконы, изображавшие Николая II и его семью. В 1996 г. Синод Русской Православной Церкви постановил, что вопрос о канонизации императорской фамилии в силу его особой важности нужно будет рассмотреть на заседании Поместного собора Русской церкви,³⁰ то есть в собрании, которое включало бы, помимо архиереев, и других представителей церкви. В действительности причисление к лику святых императорской фамилии было провозглашено вместе с канонизацией мучеников и вероисповедников XX в. на Архиерейском соборе 2000 г. без созыва поместного собора.

Царь и другие члены императорской фамилии все же были канонизированы не в чине мучеников за веру, но как *страстотерпцы*, или «страдание претерпевшие». Этот агиографический тип — особенность русской традиции. *Страстотерпцами* были первые русские святые, князья Борис и Глеб, убитые их братом Святополком: они не ответили злодею насилием, но, по примеру Христа, безропотно приняли смерть.³¹ Аскетическая доблесть этой категории святых состоит именно в том, что они принимают муки из любви к Христу и уподобляются ему в страдании, не убегая и не отвечая злом на зло, но прощая палача. Черта, объединяющая святых *страстотерпцев* и отделяющая их от мучеников вообще, — насильственный характер их смерти, а не тот факт, что она явилась следствием вероисповедания. Русская церковь сделала такой выбор по отношению к канонизируемому царю и его домочадцам, поскольку они были убиты не *in odium fidei*,³² но по вражде к представляемой ими императорской России. «Мученическая смерть предполагает для человека, который ее принимает, возможность через отречение спасти свою жизнь, — заявил уже упомянутый отец Митрофанов в одном интервью, — и главным основанием гибели этого христианина является его вера. Государеву семью убивали именно как государеву семью. От них не требовали отречения от веры (...). Тем более что и люди, которые их убивали, были достаточно секуляризованы по своему мировоззрению и воспринимали их прежде всего как символ ненавистной им императорской России».³³

Московский патриархат принял решение не канонизировать слуг императорской фамилии, как это сделала Русская церковь за рубежом в 1981 г. В основе этого постановления, среди прочего, был и тот факт, что не все царские домочадцы исповедовали православие. Слуга царя был католиком римского обряда, а фрейлина царицы — протестанткой лютеранского вероисповедания. Недостаток точных сведений об их конфессиональной принадлежности обусловил тот парадокс, что эти иноверцы были канонизированы Русской церковью за рубежом, весьма консервативной и скорее закрытой с экуменической точки зрения.

³⁰ Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 10 октября 1996 года с одобрением позиции Комиссии по канонизации святых, выраженной в докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия в связи с вопросом о мученической кончине Царской Семьи // Канонизация святых в XX веке. С. 204—205.

³¹ Behr-Sigel E. Prière et sainteté dans l'Eglise russe. Bégrolles-en-Mauges, 1982 (итал. перевод: Behr-Sigel E. Preghiera e santità nella Chiesa russa. Milano, 1984. P. 171—176).

³² по ненависти к вере (*lam.*)

³³ Шевченко М. Прославление царской семьи — вопрос решенный: Интервью с о. Георгием Митрофановым, 31 мая 2000 г. // НГ-религии. 2000. № 10 (56).

Комиссия по канонизации святых не закончила свою деятельность с празднованием великого юбилея, но продолжила сбор данных о тех, кто пострадал за веру при советском режиме, внося специальными постановлениями новые имена в перечень святых. После 2000 г. в собор русских новомучеников и исповедников XX в. был внесен еще 571 новый святой.³⁴ К настоящему времени собор включает 1681 имя, среди которых 13 мучеников и исповедников, канонизированных до 2000 г.,³⁵ а между тем продолжается сбор сведений для последующего причисления к лику святых.

Выводы. Новый подход Русской церкви при оценке действий лиц и церковных течений, жизненный выбор которых состоял в отделении от Сергия, отразился также на историографии. В частности, последние годы отмечены обилием создаваемых и публикуемых жизнеописаний, ценных тем, что они расширяют сведения о церковных сообществах и о тех, кто выбрали подпольное существование при советском режиме.³⁶ Были «открыты» личности, стоявшие у границ церковной жизни в силу своего различного отношения к церковной политике Сергия и, шире, Московского патриархата в советскую эпоху. Этот процесс, конечно, далек от завершения.

Полагаю, что и к истории православной церкви применимо написанное Андреа Риккарди в его книге о мучениках XX в.: «Необходимы размышления и исторические разыскания о событиях XX века, где уделялось бы больше внимания преследованиям и мученичеству христианства XX века».³⁷

Речь идет не о переписывании российской истории XX в., но о взгляде на только что завершившийся век с учетом этого аспекта церковной жизни. Думаю, что такое размышление поможет выйти за пределы идеологической узости, которая во времена холодной войны часто вредила трудам по религиозной истории Советского Союза, и вновь рассмотреть совокупность перенесенных русскими христианами притеснений и мук во всей их сложности, полноте и глубине. Такова, по моему мнению, задача, стоящая перед учеными, занятыми историей Русской Православной Церкви.

³⁴ Данные о новых канонизациях на апрель 2006 года приведены на сайте Свято-Тихоновского университета: <http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/mcanonf.html?/ans>.

³⁵ Там же.

³⁶ Среди прочих см. биографии Петра (Зверева) и Кирилла (Смирнова): Житие священномученика Петра (Зверева), 1878—1929. Тверь, 2001; *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Житие и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004. Замечательная работа по сохранению памяти новомучеников проведена игуменом Дамаскиным (Орловским), автором семитомного труда, где широко используется документальный материал Синодальной комиссии по канонизации святых, членом которой он является: *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним: В 7 т. Тверь, 1992—2002.

³⁷ *Riccardi A.* Il secolo del martirio. I cristiani nel Novecento. Milano, 2000.